

Развитие выдающегося поэта происходит по спирали: его поэзия поднимается на неутомимых крыльях строк, солнечно сияющих в небе стиха, выплеснувшегося из его чутко-отзывчивой души звенящей метафорой, венчающей бесконечный полёт строфы:

Вновь, как гром, приходят мысли,
может быть, с небесной тверди:
что мне смерть, когда нет жизни,
что мне жизнь, когда нет смерти...

Только так — из бури — в небо.
Только так — из мрака — к солнцу!
И — клянусь: мне, словно небыль,
радость пить в любви до донца!

Грозовые крылья этих гениальных строк, поднявшихся, как свет души над всей книгой, несут женские рифмы, охватывающие всё восьмистишие, а грохочущие сонорные «р» усиливают этот связывающий землю и небо вешний гром, — и уже летит сама песенная душа поэта, принимая сей спасительный гром «из бури в небо».

Редчайшее слияние формы стиха и смысла, где форма становится сутью содержания, а содержание — безукоризненной сутью формы.

Стихи — это птицы, летящие в небе души поэта, которое, как и небо земное, бывает солнечным и пасмурным, и смена погоды случается молниеносно, так что запечатлеть это, говоря словами Михаила Пришвина, «мгновение быстротекущей жизни» в стихах под силу только крупному поэту, когда он отдаётся слову — весь, без остатка! — как в любви к единственной и неповторимой женщине:

На здоровом смысле-парашюте
спускаюсь с розовых небес, —
и понимаю, что, по сути,
былое — чужеродный лес.

Там нету никакой избушки
на курьих ножках, как и нет
с метлою и стулою старушки
бессчётно-бесконечных лет.

Всё — по-серьёзному опасно,
всё не на шутку тяжело:
там солнце радости погасло,
там солнце счастья не возшло.

А — настоящее, родное —
любовь, с которой свет и жизнь, —
вконец измучена тобою
в попытке обустроить вьсь...

Не дожидаясь приземленья,
ты поцелуй её в глаза
и попроси навек прощенья,
хотя навек простить нельзя.

Эти стихи-венец окаймляют все почти семьсот страниц «Грозовых крыльев» с их шестьюстами стихотворениями, — единственный случай в отечественной словесности, когда любовная лирика заняла столь огромный том.

И даже в тех разделах, где напрямую не говорится о чувствах, глаза любимой сияют в ста тысячах глаз якутских озёр, а сама она взбегает на пригорок вместе со стайкой белоногих берёзок, и её волосы стекают по плечам под солнечными лучами, как и весёлые кудри деревьев, касающиеся её стройного стана...

Но поражает меня не только огромность стихов о любви, — ещё больше впечатляет то обстоятельство, что все они написаны на одном дыхании, точно выплеснулись из влюблённой души в одно мгновение.

И такой всплеск чувства невозможен в кругу, где всё одномерно, а у Ивана Переверзина — полифония чувств, посему восхождение по спирали в небо любви — необходимое условие, чтобы на самой вершине испытать миг счастья. Миг — потому, что счастье действительно мгновенно, и влюблённому приходится вновь и вновь спускаться на грешную землю, бросаясь с высокой скалы в омут отчаяния:

Летящие птицы души

о книге Ивана Переверзина
«Грозовые крылья»

Иван САВЕЛЬЕВ

С тобою — вновь я — одинок
той одиночество печальной,
когда ничто душе не впрок, —
и счастье остаётся тайной.

И ты — не помни обо мне, —
забудь мои стихи и имя.
Как будто в грозной тишине
навек останемся чужими.

Тайну счастья постигнуть трудно, но к её разгадке устремлено неутомное сердце поэта, тяжко больное ею, — и идёт страждущий поиск, и строка за строкой перекидываются по небесной лестнице чувств к тому состоянию, которое спасает любовь:

Чудес полно на белом свете,
но я, омывшийся в крови,
одно живое чудо встретил —
твою любовь — в моей любви.

И зазвучала жизнь, как песня,
и, словно речка, потекла.
И умерев, я вмиг воскресну
от чувств, сжигающих дотла.

И пусть несутся дни и годы!
В каком бы ни был я краю,
люблю! — скажу тебе я гордо,
и ты ответишь мне: люблю!

И это жизнь, и правда это,
и — бесконечна эта жизнь,
и нет конца любви поэта,
что с песней улетает ввысь.

Всё превосходно, но, увы, любовь поэта парадоксальна, а летящие ввысь чувства его души порой непонятны ему самому:

В небе тучи нахохлили лбы, —
под стрехою укрылись стрижи.
К сожаленью, стихи, как грибы,
не растут на поляне души.

На поляне души, понимает поэт, можно засеять только чувство, да и то в том случае, ежели оно ответно, — иначе без звёздного

опыления его лучами-дождинками солнечных глаз любимой чувства не поднимутся на этой поляне, и останется она пустой.

Именно в такие мгновения уходит из стихов Ивана Переверзина недосказанность: она, естественная и необходимая в прежних строках, исчезает сама собой, как опадает осенью листва с бущующих солнечным светом деревьев. Уходит-опадает, уступая дорогу прямому небесному свету, что сливается с таким же высоким сиянием его отзывчивой души, пытающейся «обустроить вьсь».

Однако всё это невозможно без философского осмысления действительности, потому в поэзии Ивана Переверзина всё решительнее берёт верх тютчевско-мартьяновское начало. Это и понятно, уже само название книги — «Грозовые крылья» — таит в себе элементы философии, кои в полной мере разовьются в последних стихах сборника, которые, может быть, неожиданны не только для нас, его читателей, но и для самого поэта.

Ну, а разве великий Александр Блок мог предположить, что после «Нечаянной радости» и «Соловьёного сада» он, эстет, дворянская кость, придёт к «Двенадцати» — гениальной поэме, ставшей удивлением не только для его друзей, превратившихся после прочтения в его вечных врагов, но и для самого Блока, воскликнувшего в пылу неопределимого восторга: «Сегодня я — гений!».

Такая неожиданность пришла и к Ивану Переверзину, и пусть он не сказал о своей гениальности, но философское начало — это новый этап в творчестве поэта, говорящий о неостановимом процессе его развития.

Отсюда и пришёл к автору «Горный путь» — бесконечное восхождение к Создателю и философское осмысление своего предназначения на этой прекрасной Земле:

На рассвете птичьим, по дороге,
как бы уходящей в небеса,
о камень в кровь сбивая ноги,
я уже взбираюсь три часа.
.....

Был бы я не против потягаться
и со смертью лютою в горах...
А что делать остаётся, братцы,
ежели неведом сердцу страх?!

И настанет время, потягаюсь,
может, даже вот у этих скал...
А пока всё выше поднимаюсь,
словно счастье в небе потерял.

Так восхождение — трудное, но одолимое — в небо по горному пути становится уже восхождением к пути горному, во имя чего и идёт ищущий человек своим земным путём.

И только горный путь, сияющий своим вечным светом из далей неземных, воодушевляет — до последних дней! — великое чувство любви, ибо Любовь и Красота — две ипостаси, дарованные Творцом, чтобы человек оставался на Земле Человеком, каким он и был задуман Создателем.

Понимая это, Иван Переверзин готов и «со смертью лютою потягаться», ибо его пылкому сердцу «неведом страх». Потому и одухотворённое взаимной любовью чувство забыть нельзя, — пропадают лишь слова о чувстве к той, которая стала жизнью-судьбой поэта, потому слово о любви меркнет перед неистребимым светом великого чувства, что льётся из души и вечно живёт в очах любимой.

И тут уже бьётся не чувство, а вспыхивает настоящая буря чувств, которая словно несётся на грозных крыльях, летит, как освежающий весенний ветер, по немеркнущим строкам поэта, чтобы любимая поняла, насколько в нахлынувшем порыве бывает противоречивым его чувство и как прав он, что не прячет от неё этой своей непонятной ему самому смятенности, — ведь в нём живёт только одно желание — окутать её душу в горящий огонь любви, во имя которой он и идёт добровольно и радостно на костёр чувств:

Жизнь несравнима тем, что есть
цветок любви, цветок надежды.
Ему — благоухать и цвести
нежнее и светлей, чем прежде.